

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

О. Н. ТРУБАЧЕВ

ИСТОРИЯ
СЛАВЯНСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА
И НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕЙШИХ
ТЕРМИНОВ
ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ,
ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Москва—1956 г.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

На правах рукописи

О. Н. ТРУБАЧЕВ

ИСТОРИЯ
СЛАВЯНСКИХ ТЕРМИНОВ РОДСТВА
И НЕКОТОРЫХ ДРЕВНЕЙШИХ
ТЕРМИНОВ
ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

АВТОРЕФЕРАТ ДИССЕРТАЦИИ,
ПРЕДСТАВЛЕННОЙ НА СОИСКАНИЕ УЧЕНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Москва — 1956 г.

Основная задача, поставленная перед диссертацией, — изложить древнейшую историю славянских терминов родства.

Славянская терминология родства изучается как определенный этап единой истории развития индоевропейских терминов родства — древнейших образований индоевропейского языка. Поэтому в диссертации на специально славистическую тему большое внимание уделяется вопросам и фактам, не относящимся непосредственно к истории славянских языков.

В диссертации предпринята также попытка обобщить результаты прежних лингвистических исследований в этой области.

При подготовке диссертации были использованы работы наших предшественников: старая работа П. А. Лавровского — «Коренное значение названий родства у славян» (1867) и особенно две следующие работы: В. Delbrück, *Die indogermanischen Verwandtschaftsnamen* (1889) и А. В. Исаченко, *Индоевропейская и славянская терминология родства в свете марксистского языкознания*, «Slavia», год. 22 (1953). Помимо них, использовано большое количество различных монографий, статей, в том числе и весьма далеких от темы нашей диссертации, но содержащих нужные факты. Широко привлекались данные этимологических словарей различных индоевропейских языков. Лексический материал извлечен в основном из известных словарей.

Примененные здесь специально лингвистические, этимологические методы являются традиционными, причем, разумеется, отбирались наиболее достоверные и правдоподобные этимологические решения. Таков характер критической части работы.

Что касается конкретных результатов прежде всего — этимологического исследования, они во многих пунктах в настоящей работе расходятся с традиционными или известными в науке решениями. Нами руководила при этом уверенность в далеко не исчерпанных возможностях этимологического анализа. В итоге всей этимологической работы по теме диссертации

определилось отрицательное отношение к противоположной точке зрения, согласно которой возможности этимологического исследования в основном исчерпаны, а этимология с некоторых пор переживает кризис.

Естественно, что выводы, помещенные в диссертации, нельзя считать окончательными. Поскольку все они в основном носят конкретный характер, перечислим их в общем плане исследования, чтобы тем самым полнее охарактеризовать его содержание.

Диссертация состоит из следующих разделов: Введение, I глава — Термины кровного родства, II глава — Термины свойственного родства, III глава — Названия, примакающие к терминам родства; некоторые древнейшие термины общественного строя. В конце работы — раздел: «Несколько заключительных замечаний по словообразованию». К диссертации приложены: Список форм, объяснение которых помещено в тексте, и список литературы, использованной в работе.

Во Введении определяется круг вопросов, относящихся к теме работы, излагается история различных точек зрения по основным проблемам в литературе, значение данных смежных наук. Здесь находит отражение основная мысль исследования о несомненности развития семейно-родовых отношений индоевропейцев от матриархата к патриархату, а также ряд других важных вопросов, к которым приходится неоднократно возвращаться в дальнейшем. При исследовании родственной терминологии нужно помнить об исключительно долгом пути развития, который она пределала с древнейших времен.

Известно, что действующая ныне во многих языках так называемая описательная система родства на определенном этапе в древности сменила первичную классификаторскую систему родства, характеризующую матриархат. Классификаторская система родства регулирует родственные и брачные отношения, подчиняя их своеобразным брачным классам. Это лучше пояснит конкретный пример: при смешанном браке родовой древности брачные отношения могли осуществляться только между мужчинами и женщинами разных брачных классов с двоюродным родством; в упомянутых рамках брак был смешанным в полном смысле слова, прямым следствием чего была полная невыясненность отцовства. В таких условиях моими отцами на полных правах могли считаться как мой возможный отец, так и все его братья, даже все отцы моих отцов, т. е. мои отцы во втором поколении. Все вместе они составляли класс старших мужчин, и применяемые к ним термины носили, естественно, качественно особый, более широкий характер, классифицировали их. Мать ребенка, напротив, всегда была известна в силу естественных причин, но в определенную эпоху и ее обозначение было шире того, которое привычно для нас, классифицировало

ее по отношению к ребенку наравне с ее сестрами — тетками ребенка. В то же время действующая ныне описательная система родства описывает индивидуальные отношения родственников, разграничивая то, что не было существенно в древности.

Различие обеих систем принципиально и весьма глубоко, и это в большой степени затрудняет для нас понимание развития родственной терминологии. Неясность многих отдельных моментов не мешает, однако, уяснить основную линию развития систем обозначений родства. Описательная система сменила классификаторскую у индоевропейцев, судя по всему, в глубокой древности и, говоря о славянской терминологии родства, мы понимаем, насколько она далека от классификаторской системы родства, от матриархата в целом. Но в материальном отношении основные славянские названия являются непрерывным продолжением тех индоевропейских, которые порождены упомянутой древнейшей эпохой. Закономерно поэтому предположить наличие у них соответствующих материальных, структурных следов и возможных семантических пережитков. Обнаруживать эти следы помогает этимологическое исследование. В этом нужно усматривать наиболее интересную и значительную задачу истории славянских терминов родства.

1 глава работы охватывает все термины кровного родства, каковыми являются названия отца, матери, ребенка, сына, дочери, брата, сестры, деда, бабушки, внука, дяди, тетки (по отцу и по матери); сюда же примыкают термины приравнивания неродственных людей к кровнородственным, т. е. названия отчима, мачехи, пасынка, падчерицы.

И.-е. * *pdtēr* 'отец' часто расценивается в литературе как социально значимое, торжественное на том основании, что оно, как показывает сравнительный индоевропейский материал, не обозначало физического отцовства¹, ср. потребность в соответствующих уточнениях вроде др.-инд. *janitā-* 'родитель'².

Но известно, что в течение длительного периода древности отцовство в физическом смысле было неопределимо (смешанный брак). Этим объясняется, что и в последующее время долго между значением * *pdtēr* 'отец' и специальным 'родитель' прочной связи не было. Вопрос о действительном значении и.-е. * *pdtēr* можно решить положительно только с учетом специфики классификаторской системы, порождением которой было это название. Не являясь обозначением физического отцовства, и.-е. * *pdtēr* не имеет в себе также ничего религиозного

¹ См. А. Ernout, A. Meillet, Dictionnaire étymologique de la langue latine, II, 3-е изд. Париж, 1951, 862—864.

² А. Ernout, A. Meillet. Указ. соч., там же.
В. Delbrück. Указ. соч., 446—447.

и торжественного, как полагают, ср. выше, на самом деле оно классифицирует всю группу старших мужчин рода в их отношении ко мне. Как отмечалось, сюда входят отец и все братья отца, по сути не отличающиеся от него. Так, и.-е. **pōtruos*, **pōtruios* 'брат отца', представляет модифицированное название отца¹. Славянский сохранил эту форму в *stryjь* 'брат отца'². Слав. *stryjь* сохранило, кроме этого, следы чисто классификаторского употребления и.-е. **pōtēr*. Так, для Черногории отмечалось сербск. *стрико* не только в общеславянском значении 'дядя-по отцу', но и в значении 'отец', даже 'дед'³. Поскольку речь идет о правильном продолжении индоевропейских форм **pōtruios*, **pōtēr* 'брат отца', 'отец', такие реликты употребления отнюдь не случайны, напротив — весьма знаменательны. Сказанное дает возможность иначе расценивать историю и.-е. **pōtēr* применительно к славянскому, чем, например, это делал обычно А. Мейе, указывавший на исчезновение этого слова в славянском⁴.

В целом же, не считая этих следов, и.-е. **pōtēr* было вытеснено в значении 'отец' новым словом *otьсь*.

Последнее новшество, однако, имеет значительный индоевропейский возраст. Известно происхождение слав. *otьсь* из и.-е. **ātta*, которое, как полагают, было фамильярным названием отца. При этом слав. *otьсь* продолжает и.-е. **āttikós*, уже непосредственно примыкающее к **atta*⁵. Гораздо меньше внимания уделялось семантической стороне этой словопроизводственной связи, в частности недооценивался исконно притяжательный характер образования **āttikós* с суффиксом-*ikos*, этимологически 'отцов' (от *ātta*), что, возможно, тоже представляет пережиток древней классификаторской системы обозначений родства: 'отец' сам обозначается как происходящий от старшего отца, *ātta*. Остаток и.-е. **āttikós*, **āttikā*, помимо сильно измененного слав. *otьсь*, указывается еще в греч. 'Αττική 'Аттика'. Исходя из вышесказанного, мы должны будем оставить попытку объяснения слав. *otьсь* как уменьшительного производного с суффиксом *-сь* от слав. **otь*⁶, как лишенную исторической перспективы.

Попутно на материале различных названий отца в славян-

¹ В. Delbrück. Указ. соч., 500—501.

² J. J. Mikkola, Zur slavischen Etymologie.— IF 23 (1908—1909), 124—125.

³ П. Ровинский. Черногория в прошлом и настоящем.— Сб. ОРЯС, LXIII, № 3, 1897, 285.

⁴ A. Meillet. Les origines du vocabulaire slave.— RES 5(1925), 6—7.

⁵ A. Walde, J. Pokorny. Vergleichendes Wörterbuch der indogermanischen Sprachen, I. Bd., 44.

⁶ Так К. Brugmann, Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, Страсбург, 1904, 339.

ском и их связей с индоевропейскими изучается интересная проблема выражения экспрессивности. Индоевропейское средство выражения экспрессивности — двойные согласные и так называемый *ā*-вокализм корня (Мейе), ср. **ātta*, теряют актуальность в условиях новой звуковой системы славянского. Так, слав. *otъcъ* совершенно лишено экспрессивности, свойственной, повидимому, и.е. **atta*. Взамен этого экспрессивность получает в славянском новое выражение — удлинение гласного, позднее — экспрессивная палатализация согласных: 1. и.е. **tāta* > **tāta*, ср. польск. *tata*; 2. *tata* > *t'at'a*, ср. русск. *татя*.

Мы подходим к простейшим обозначениям родства типа **tāta*, **māma*, **nāna*, которые занимают в работе заслуженно много места по причине их видной роли в составе родственной терминологии, а также ввиду известной спорности происхождения. Традиционная точка зрения считает их образованиями «детского языка», *Lallwörter*. Мы не считаем возможным присоединиться к этому взгляду и принципиально не выделяем этих образований из числа прочих названий родства. Вместе с тем в диссертации отмечается необходимость пристально изучать своеобразие перечисленных названий, выражающееся в их архаическом словообразовании (редупликация), экспрессивности. В отдельных случаях ставится вопрос о возможности положительных этимологических решений. Например, и.е. **ān-*, название предка, давшее в славянском редуплицированную форму с экспрессивной долготой в корне серболуж. *nan* 'отец' и в простой форме — слав. *otъnikъ*, укр. *onіk*, русск. *внук*, — может быть увязано, как давно отмечалось, с и.е. **ān-* указат. мест. 'тот, дальний', ср. слав. *onъ*. Отсутствие, например, для **tāta* **māma* каких-либо положительных решений, которые можно бы было предложить взамен теории образований «детского языка» не должно удивлять, так как речь идет об исключительно древних образованиях.

Резюме по этому вопросу дается в конце работы, в разделе «Несколько заключительных замечаний по словообразованию». Там, в частности, приводятся компетентные суждения двух специалистов по детской речи, один из которых — польский ученый П. Смочинский сообщает в своей книге чрезвычайно интересные для нас наблюдения, позволяющие констатировать совершенно неопределенность значений употребляемых ребенком в начале усвоения речи звуковых комплексов типа *tat(a)*, *mam(a)*¹. Отмечается, что только своими бессознательными педагогическими попытками родители приучают ребенка к конкретным значениям 'отец', 'мать'.

¹ Paweł Smoczyński. *Przyswajanie przez dziecko podstaw systemu językowego*. Лодзь, 1955, 80 и след.

Специальное внимание в разных местах работы, начиная с 1 главы, уделено вопросу продолжения в славянском древних индоевропейских *r-* основ, характеризующих основные названия родства. Сюда относятся разбираемые в 1 главе, кроме и.-е. **pōter*, о котором — выше, и.-е. **māter*: слав. *mati*, и.-е. **dhughdōter*: слав. *džkti*, и.-е. **bhrāter*: слав. *bratrъ*, и.-е. **svesor*: слав. *sesira* и термин собственного родства, анализируемый во II главе, и.-е. **daiuēr*: слав. *děverb*. Резюме по основам на *-r* вынесено в раздел «Несколько заключительных замечаний по словообразованию».

Переходя к названиям ребенка, отметим отсутствие соответствующего общеиндоевропейского термина¹. Такое положение, когда известны названия 'сын', 'дочь' и отсутствует общее название 'дитя', 'ребенок', общеиндоевропейский язык, видимо, унаследовал от весьма древних эпох, когда еще не было предположительно и возможностей для образования такого обобщенного термина как 'дитя'. Необходимое при этом обобщение могло осуществиться в рамках категории среднего рода, но такая возможность длительное время исключалась в силу неизбежного противоречия между одушевленностью обозначаемого и средним родом как таковым, противопоставленным всей категории одушевленности в целом. Позднее, когда это противопоставление, видимо, ослабло, индоевропейские языки развили самостоятельно совершенно аналогичные образования со значением 'дитя, ребенок', используя категорию среднего рода, как единственно подходящую для обобщения: отлагольные прилагательные среднего рода на *-to-*, *-no-*, греч. τέκνον, герм. **kinda-*, балт. **bernas*, слав. *děte*, все со значением — 'дитя, ребенок'.

Следует сказать, что вышесказанное никак не противоречит тому известному факту, что именно образования среднего рода служили в индоевропейском названиями молодых существ. Сам по себе тип является индоевропейским, но в нем следует скорее усматривать параллелизм развития, а не общее наследие древней эпохи, тем более, что достоверные общеиндоевропейские образования здесь не известны.

Возможно, именно этим объясняется то, что даже после того как этот тип названий среднего рода давно утвердился, он по своей природе остался противоречивым, и это противоречие в отдельных случаях накладывало отпечаток на формы слова. Так, слав. *děte* сред. р. знает определенные ограничения в упо-

¹ E. Hermann. Beobachtungen an den indogermanischen Verwandtschaftsnamen. — IF 53 (1935), 102.

C. D. Buck. A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages. Чикаго, 1949, 87.

треблении и относится только к малолетним (переосмысления носят поздний характер). Потребность обозначать одним емким словом всех потомков любого пола и возраста совершенно не могла удовлетвориться правильной формой множ. числа среднего рода от этого слова, поэтому вместо ожидаемого **děteŕa* славянский развил совершенно иную форму *děti*.

Попутно с изложением известных этимологий слав. **děte*, **orbe* 'дитя, ребенок' приходится касаться славянского словообразовательного типа на-**et-*, образующего названия молодых существ. Этимологически слав.- **et-* восходит к и.-е.- **nt-*, суффиксу с преимущественным значением 'принадлежность, происхождение от к.-л.', вторично развившему по языкам значения уменьшительности, ласкательности. При этом необходимо считаться с возможностью позднего аналогического распространения этого суффиксального типа уже после появления вторичных значений, а также с отдельными случаями иного этимологического происхождения, только впоследствии вовлеченными в группу славянских названий молодых существ на -**et-*, ср. слав. *děte*, восходящее к древней причастной форме на *-ent-*: 'вскормленное'. Об этих образованиях говорится также в разделе «Несколько заключительных замечаний по словообразованию».

Касаясь известной этимологии слав. **orbe* 'дитя' < и.-е. **orbho-*, ср. др.-инд. *ārbha-* 'маленький', укажем некоторый дополнительный материал из славянского, ранее не привлекавшийся для сравнения с упомянутыми формами: польск. *robak*, *robaki* со значениями 'насекомые', 'мелкие существа', в диалектах также — *robak* 'сын, мальчик'. Последний пример указывает на связь со слав. **orbe*, представленным, например, др.—польск. *robionek* 'дитя' (с иными суффиксами), что заставляет нас внести коррективы в материал Э. Бернекера, выведившего *robak* из слав. *chrobakъ*. Примеры из польского свидетельствуют, таким образом, о сохранении в славянском прямых следов и.-е. **orbho-* 'маленький' с древним значением.

В вопросе о слав. **čedo* мы придерживаемся точки зрения, согласно которой это слово является исконнославянским образованием, а не заимствованием из германского. Далее анализируется слав. **mězínъcъ*, проделавшее длительный путь семантического развития от определенного возрастного обозначения, ср. лит. *mažas*, готск. *magus*, к значению, представленному в русск. *мизинец* 'меньший палец на руке'.

Некоторые новые соображения сообщаются относительно слав. *otrokъ*, которое, судя по структурным особенностям, было не исконным именем деятеля, как полагал А. Мейе, *Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave*, 233, а именем действия, ср. русск. *оброк*, *урок*, польск. *wyrok*, перешедшим в имя

деятеля вторично, как это известно из множества других примеров.

Известная этимология слав. *synъ*, и.-е. **sūnus* 'сын' (< и.-е. **sū-* 'рождать' о матери) и сравнительный семантологический анализ этого названия наряду с целым рядом таких, как др.—исл. *burr* 'сын', лтш. *dēls* 'сын', слав. *děte* 'дети', в основе которых лежат древнеиндоевропейские названия типично материнских функций **bher-* 'носить', также 'рождать', **dhēi-* 'кормить грудью', говорят о прямых следах чисто матриархальной точки зрения на продление рода, на потомство, ср. также А. В. Исаченко, указ. соч., 55—56. Насколько далеко это явление от случайности, показывает регулярный характер данного признака у этих образований.

На противоположном признаке основаны названия сына, мальчика, sporadично представленные в индоевропейских языках: др.—инд. *putráh* греч. *παῖς*; лат. *puer* — из и.-е. **pu-*, **rou-* 'производить' (о мужчине)', ср. греч. *ὄπιω* 'брать в жены', лат. **pūtum* 'penis'¹, хеттск. *pirus* 'прелюбодей, любовник'. Сюда мы отнесем еще сербск. диал. *rišo* 'мальчик 5—6 лет' и болгарск. диал. *пјне* 'младенец мужского пола'. Эти названия, отразившие отцовское начало, прослеживаются гораздо менее последовательно сравнительно с основным названием сына — и.-е. **sūnus*, что, видимо, говорит об их более позднем характере.

Слав. *bratrъ* и *sestra* представляют результат длительного развития. О принадлежности их к древним индоевропейским — *r*-основам уже говорилось. Их известные значения 'кровный брат', 'кровная сестра', хотя и продолжают индоевропейское состояние, не являются исконными. Они сменили на определенном этапе древние классификаторские значения этих терминов, уцелевшие, например, в греч. *φράτηρ* 'член фратрии', осет. *ærvad* 'родственник, родич', которые отражают и.-е. **bhrātēr* 'член мужского брачного союза, сородич'; соответственно осет. *хо*, *xwæraæ*, восходящее к и.-е. **suesor*, обозначает женщину моего рода, а не кровную сестру, как например, слав. *sestra*.

Названия деда, бабки и внука — типичные продукты исторически новой описательной системы родства. Действительно, внук, например, четко описан в своем индивидуальном отношении к кровным родственникам по восходящей линии во второй степени. Фактически эти степени родства приобрели актуальность совсем поздно, и общеиндоевропейские названия для них отсутствуют. Особенно прозрачно происхождение боль-

¹ A. Walde. Lateinisches etymologisches Wörterbuch, 2. Aufl.: *praepūtium*.

шинства известных названий деда, который в разных языках просто именуется 'отцом' с прибавлением модифицирующих определений. Славянский располагает едиными названиями для перечисленных степеней родства: *dědъ*, *baba*, *vъnukъ*. Многочисленные аналогии связи названий 'дед', 'отец' в других индоевропейских языках дают основание предположить такую эволюцию и для слав. *dědъ*, связанного, например, с названиями дяди в восточнославянском. Как слав. *dědъ*, так и слав. *baba* 'бабка', связаны с целым рядом близких названий других индоевропейских языков, ср. греч. $\tau\eta\theta\eta$ 'тетка', 'бабка', средневерхненем. *bōbe* 'старуха', но в целом все они носят характер местных образований. Этимология слав. *vъnukъ* известна, о ней упоминалось выше в связи с и.-е. **ān-*, **nan-*.

Слав. *netijь* 'племянник', в соответствии с установленной этимологией, объясняется из **nep(o)ijos*, -*ijo*-производного от основы **nepot-*, функционально равноценного производному типа *vřddhi* **nepōt-* от той же основы в других индоевропейских языках, ср. лит. *nerpiõtis*, лат. *nepōs*. Предложенная Р. Траутманом («Baltisch-slavisches Wörterbuch», 196) балто-славянская форма **nepōt-*, таким образом, не объясняет славянских фактов и является только балтийской (**ō* > балт. *uo*: лит. *nerpiõtis*). Переплетающиеся сложным образом значения индоевропейских форм **nepōt-*, **neptijos* — 'племянник', 'внук' объясняются, возможно, из древнейшего значения 'внучатный племянник' (ср. А. В. Исаченко, указ. соч., 68,71), из которого развились оба поздних значения.

В заключение рассматривается слав. *stryjь* 'дядя по отцу', необходимое о котором уже было сказано выше, далее — слав. *ujь* 'дядя по матери' и прочие славянские названия дяди, тетки. По понятным причинам здесь опускается перечисление многих местных и поздних форм, которые также рассматриваются и по возможности подвергаются этимологическому анализу в I и в других главах диссертации.

Исключительно сложные соотношения внутри славянской терминологии кровного родства, которые представляются еще более сложными при попытке этимологически исследовать ее, объясняются главным образом наличием в ней ряда хронологических слоев, на протяжении истории смещавших, вытеснявших или только оттеснявших друг друга в той или иной функции. При этом этимологическое исследование подчас приводит к тождественным значениям разных корневых морфем, в которых правильнее будет признать продукты различных эпох, одновременно в одной функции не существовавшие.

Во II главе содержится анализ довольно значительной группы слов — терминов свойства, т. е. родства по браку. Между обоими видами родства — кровным и свойственным су-

ществует теснейшая связь, которая исторически гораздо древнее оформившегося позднее разграничения между ними. Наиболее ярким выражение этой связи было в древнюю эпоху смешанного брака, носившего также, как известно, кросскузенный характер, т. е. брачные отношения практиковались между двоюродными братьями и сестрами. В это время какое-либо разграничение между кровным и свойственным родством было совершенно неактуально. Противопоставление между ними оформилось позднее, через все более строгие запреты кровосмешательства.

Вполне естественно, что в упомянутую древнейшую эпоху, когда главной и всеобъемлющей формой родства и брака был род, не было почвы для выражения отношений свойства. Терминология родства индоевропейцев, в основном сложившаяся уже в ту отдаленную эпоху, отражает свойственные отношения довольно непоследовательно и неполно именно по этой причине. Именно поэтому далеко не все степени свойства имеют общие индоевропейские названия. Только так можно понять специфику оформления терминов свойства.

Традиционная наука об индоевропейских древностях, стремившаяся истолковать неравное отношение между терминами кровного и свойственного родства у индоевропейцев иначе, внесла, к сожалению, в изучение вопроса много путаницы. Отдельные ученые видели в отсутствии ряда общих названий свойства забвение, другие — недооценку родства по браку, а следовательно, и самих родственников по браку, по жене, которые якобы и не считались за родственников (агнатическая семья). Трудно себе представить, насколько анахронистичны эти объяснения, носящие целиком филологический характер. Проявления анахронизма не ограничиваются при этом очевидно наивными утверждениями о парной семье в индоевропейской древности, подчас они совершенно бессознательно диктуются привычными для человека современности представлениями, и в этой форме они еще больше мешают объективному изучению истории терминологии родства и ее исторических условий.

Достаточно указать на популярное объяснение отсутствия общеиндоевропейского названия брака тем обстоятельством, что отношения мужа и жены были якобы настолько неравноправны, что древнему индоевропейцу даже не приходило в голову объединить их единым названием (Б. Дельбрюк, О. Шрадер). Это совершенно неправильно. Древнейшая форма брака сложилась тогда, когда ее естественными рамками был сам род. Брачно-родственные отношения с успехом определялись общим названием 'род', и такое название было, известна его общеиндоевропейская форма * *ǵenos*: лат. *genus*, греч. γένος, др.-инд. *jana-*, о чем специально говорится в III главе диссертации.

В этих условиях не было потребности в особом термине 'брак', а так как именно в эту древнейшую эпоху сложилась основная общиндоевропейская терминология родства, такое состояние определило отсутствие среди терминов указанного названия. Это сохранялось чрезвычайно долго и после эпохи смешанного брака, видимо, вплоть до разделения индоевропейского единства, а в отдельных случаях — позднее по той причине, что системы родства отличаются известной косностью и сохраняют древности часто уже тогда, когда непрерывно развивающаяся семья давно оставила их, как на это указывали ученые (Морган, Энгельс). Эти древности систем родства и их обозначений имеют большую ценность для исследования. Глубоким архаизмом отмечено, например, такое явление, как отсутствие общеславянского названия брака. Следует еще раз подчеркнуть, что этот, как и многие другие специально славянские факты находят наиболее полное объяснение только в общем плане истории индоевропейских терминов родства. Мы видим, таким образом, как мало остается из традиционных аргументов индоевропейцев против исконности индоевропейского матриархата.

В начале II главы анализируется роль местоименного корня **sve-*, **svo-*, который органически связывает термины свойства слав. *svekrъ*, *svekry* с одним из старых терминов кровного родства и.е. **syesor*, слав. *sestra*, одинаково обозначаая всех их 'своими', что идет, видимо, от древней эпохи, ср. выше.

Затем излагается история слав. *nevěsta*, *ženixъ*, *mъžь*, *žena*, *vъdova*, *děva* — основных общеславянских образований, примыкающих к терминам свойства в собственном смысле, причем в итоге критического анализа старых и новых толкований мы склоняемся к старому толкованию слав. *nevěsta* 'невеста' — «неизвестная». В вопросе о слав. *vъdova* 'вдова', которое имеет правдоподобную старую этимологию — к и.е. **uidheu-*: **uidhu-* 'пустой', привлекается некоторый новый материал — лит. *vidūs* 'внутренность, пустота', так и не использованное литовским, имеющим свое древнее обозначение вдовы *našlė* с установленной этимологией. Остальная часть главы заключает рассмотрение названий свойства — слав. *svekrъ*, *svekry*, *tystь*, *zety*, *snъxa*, *děverь*, *zъly*, *šurb*, *jetry*, *svatъ*, *xolstъ* и прочих семантически близких им; здесь систематизируются результаты прежних исследований с изложением отдельных поправок и наблюдений по истории форм и значений слов.

III глава — «Названия, примыкающие к терминам родства; некоторые древнейшие термины общественного строя» — по самой своей специфике не представляет собой систематического, единого изложения. Здесь собран круг довольно разнородных вопросов, которые нам казалось целесообразным затронуть, как имеющие отношение к родственной терминологии.

После наблюдений над целым рядом глагольных основ со значением 'рождать (ся)', в ходе чего предлагаются отдельные коррективы, например, по истории ст.—слав. *roditi* и родств. из формы **ord-*, разбирается довольно подробно вопрос развития и.-е. **ĝenə-* и его отражения в славянском. При этом на основании наблюдений делается вывод о единстве **ĝenə-I*. 'знать' и **ĝenə-II*. 'рождать (ся)' и о вторичном развитии значения 'знать' < 'рождать (ся)' через вероятные переходные 'знать человека' < 'быть родственным человеку' и указываются соответствующие четкие следы в словоупотреблении, ср. нем. *kennen* (обычно по отношению к человеку) — *den Menschen kennen*, но — *das Ding wissen*.

Далее следует изложение второй проблемы истории **ĝenə-*, а именно — образование из этой глагольной основы названий частей тела: греч. γόνυ, лат. *genu*, нем. *Knie* 'колено', нем. *Knochen* 'кость', достаточно также в польск. *nawznak*, болг. *възнак* 'на спину, навзничь'. Сообщаются наблюдения над развитием названий частей тела — слав. *kolěno*, *čelo*, лит. *kelỹs* 'колено' — из функционально близкой основы **kuel-*, лит. *kilti* 'подниматься, происходить', *kiltis* 'род'.

Новые этимологические решения и поправки к известным старым неоднократно выдвигаются и далее в III главе: слав. *plemę* 'племя' — не из **pled-men-* (ввиду недостаточной достоверности глагольной основы **pled-*), а из **ple-men-*, производного от засвидетельствованной глагольной основы и.-е. **ple-pel-* 'рождать, производить и т. д.'; пересмотрено толкование слав. **obъtъ*, ст.—слав. *объць*, в результате чего предлагается исходить не из очевидно позднего значения 'общее, община', а из значения 'круглое', поскольку в **obъ-tjo-* нужно видеть производное от морфемы со значением 'вокруг'. В связи с этим высказана мысль об отражении здесь названия круглого поселения у древних славян (ср. чешск. *obec* 'село, селение'), использованного в других значениях позднее.

Помимо этого, излагаются материалы по истории слав. *sěmьja*, *l'udьje*, *čelověkъ*, *vorgъ*, *starosta*, *gospodь*, *voldьka*, т. е. названий как совокупности (родственных) людей, так и отдельных индивидов — членов рода (*čelověkъ*), изгнанников (*vorgъ*), старейшин (*starosta*, *gospodь*, *voldьka*).

*

Подп в печать 16/V 1956 г. Формат бум. 60×92¹/₁₆.
Т-05307. Печ. л. 1. Уч.-изд. лист. 1.

Тираж 110 экз. Тип. зак. 385.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-64,
Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства АН СССР. Москва, Г-99,
Шубинский пер., д. 10

Кавказский Бюро J-4-17-39

Бесплатно